

тельной практике // Государство и право. 2000. № 9; Егоров Ю.П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск, 2004; и др.

²⁸ Косова О.Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. 1996. № 2; Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; и др.

²⁹ Безина А.К., Бикеев А.А., Сафина Д.А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань, 1984; Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Казань, 1989; Привалова С.В. Методы правового регулирования трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; и др.

³⁰ Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М., 1972; Теория государства и права / под ред. П.С. Ромашкина, М.С. Строговича, В.А. Туманова. М., 1968; Теория государства и права / под ред. К.А. Мокичева. М., 1970; Общая теория государства и права / под ред. В.С. Петрова, Л.С. Явича. Л., 1974. Т. 2. Следует отметить, что это наблюдается и в некоторых современных учебниках (см., напр.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998; Теория го-

сударства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999; Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000; Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 2000).

³¹ Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. М., 1974; Теория государства и права / под ред. А.М. Васильева. М., 1983; Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М., 1980; Теория государства и права / под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. Л., 1987.

³² Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997; Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004; Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2004; Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2005.

³³ Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985; Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000; Теория государства и права / под ред. В.Д. Перевалова. М., 2004.

³⁴ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2003.

³⁵ Кашанина Т.В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования.

Д.А. СТЕПАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ПРЕДМЕТА НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ

Активная целенаправленная разработка проблем криминалистической идентификации в нашей стране имеет более чем полувековую историю. Научным и методическим основам решения идентификационных задач в уголовном производстве посвящено множество плодотворных исследований теоретического и прикладного характера. Отсюда и общепризнанный факт того, что теория криминалистической идентификации входит в число наиболее развитых, глубоко разработанных областей научного знания. Она широко используется в экспертной, оперативно-следственной и судебной работе, к тому же располагает обширным понятийным аппаратом и многочисленными практическими приложениями.

Отдавая должное тому, что достигнуто в указанной области, автор данной статьи вместе с тем не относится к числу авторов, склонных к излишне восторженной оценке ценностей, включая те, что определяют богатый потенциал теории криминалистической

идентификации. Более того, на наш взгляд, имеются все основания полагать, что назрела насущная необходимость в коренном обновлении как самой традиционной концепции криминалистической идентификации, так и системы частных подходов к ее объектно-предметной составляющей, в уточнении определений ряда основных, ключевых понятий данной области научного знания.

Остановимся лишь на некоторых моментах, по нашему мнению, требующих первоочередного, глубокого и беспристрастного анализа.

1. В основе современной концепции криминалистической идентификации лежит фундаментальная идея С.М. Потапова, согласно которой практическое решение идентификационной задачи представляет собой исследование, в результате которого может быть сделан вывод о наличии или об отсутствии тождества какого-либо объекта. Причем, как писал С.М. Потапов, «этот процесс есть сравни-

тельное исследование мысленно отделяемых в представлении признаков вещи, но именно тех признаков, которые определяют ее тождество и отличают от всех других вещей»¹.

В последующем упомянутые признаки получили название идентификационных².

В литературе предложены различные классификации идентификационных признаков. Наиболее общим, на наш взгляд, является деление их на внешние и внутренние признаки. Традиционно основное внимание теоретики криминалистики в своих работах уделяли и уделяют проблеме идентификации объектов по признакам внешнего порядка (признакам внешнего строения объектов — в трасологии, признакам внешности человека — в габитоскопии и т.д.). Результаты исследований, осуществленных с позиции данного подхода, сыграли свою главную, определяющую роль в разработке общих и частных моделей идентификационных технологий, принципов и понятийного аппарата теории криминалистической идентификации. Однако в современных условиях многое из того, что создано в этой связи, по нашему мнению, нуждается в переосмыслении по причине вовлечения в уголовное производство множества различных ранее не известных объектов исследования и использования новейших достижений научно-технического прогресса. Дело в том, что общие положения теории, технологии, методики идентификации в определенной своей части уже не отражают реалий сегодняшнего дня. Наиболее отчетливо сложившаяся ситуация просматривается при взгляде на теорию криминалистической идентификации с позиции достижений в области геноскопической (генотипоскопической) идентификации, опирающейся на оригинальные, принципиально новые концептуальные положения (принципы, объекты, методы и т.д.).

Обращая внимание на этот вопрос, Е.П. Ищенко обоснованно констатирует, что исследования в области генной идентификации неизбежно повлияют на дальнейшее развитие, обогащение теории криминалистической идентификации. «Переход от отождествления по внешним признакам (следам контактного взаимодействия, а также образам, запечатлевшимся в памяти очевидцев) к идентификации по внутренним, сущностным характеристикам (генотип биологического объекта, физико-химические особенности структуры поверхности и объема объектов

неорганической природы), — добавляет указанный автор, — олицетворяет собой качественно новый уровень развития криминалистики, поставит на повестку дня вопрос о совершенствовании норм действующего УПК РФ»³.

2. Новое время и новая жизнь не только диктуют необходимость восполнения имеющихся пробелов в знании, но и часто формируют задачу переоценки тех ценностей, которые до этого казались незыблемыми. Применительно к предмету нашего анализа изложенное касается вопроса об уточнении представлений о сущности и особенностях некоторых традиционных, но «обветшалых» от частого употребления понятий. В этой связи весьма актуальным является вопрос о разработке оптимальных определений криминалистической идентификации как метода и процесса решения практических задач.

В большинстве случаев в основе определений таких понятий, сформулированных различными авторами, лежат идеи С.М. Потапова. Их суть сводится к тому, что идентификация как процесс познания представляет собой систему реальных, выполняемых в определенной последовательности действий по установлению факта наличия или отсутствия тождества какого-либо материального объекта (человека, предмета и т.д.), исследуемого в уголовном судопроизводстве⁴.

Обращает на себя внимание то, что все определения данного типа содержат элементы тавтологии, ибо идентифицировать — в переводе с позднелатинского значит отождествить. Кроме того, они относятся, если их оценивать с позиции логики, к категории неявных, нуждающихся в пояснениях. В первую очередь требует ответа вопрос о том, в какую группу входят те объекты, тождество которых устанавливается. В литературе на данный вопрос дается примерно такой ответ: это самые различные индивидуально-определенные материальные образования, т.е. тела, обладающие устойчивым внешним строением⁵.

Указанный ответ носит чрезмерно общий характер и нуждается в конкретизации на основе осуществления логической операции, например, ограничения понятия как процесса перехода от понятия с большим объемом, но с меньшим содержанием к понятию с меньшим объемом, но с большим содержанием.

Некоторым ученым удалось успешно решить эту задачу. Так, В.А. Образцов

обосновал положение о том, что идентифицировать или установить тождество — значит неопровержимо доказать, что представленный на исследование след (следы) оставлен данным проверяемым, а не каким-то другим следообразующим объектом. Распознавание же факта отсутствия тождества означает получение знания о том, что проверяемый объект, тождество которого предполагается, не является искомым, что в роли следообразующего в данном случае выступает какой-то другой, не известный на момент исследования, объект⁶.

В русле такого же понимания вопроса находится и позиция Р.Г. Домбровского. «По своему существу, — отмечает он, — криминалистическая идентификация является специфическим методом познания при расследовании преступных действий. Ее задача состоит в том, чтобы по оставленному следу из множества возможных объектов найти тот объект, который оставил этот след»⁷.

Подобные высказывания опираются на практические реалии, отражают практику идентификационных исследований, служат целям их оптимизации.

Таким образом, все то, что лежит за пределами решения задачи установления тождества следообразующего объекта, на наш взгляд, к криминалистической идентификации отношения не имеет. Четкое ограничение направленности и пределов применения метода криминалистической идентификации представляется весьма важным делом, имеющим большое научное, дидактическое и практическое значение. Неопределенные, размытые границы целевой направленности и поля применения указанного метода неизбежно ведут к подмене им других методов доказательственного познания (метода криминалистического диагностирования, метода криминалистического реконструирования, метода установления общего источника происхождения и т.д.), что вызывает смешение понятий, непонимание, бесплодные дискуссии и другие нежелательные последствия, не способствующие дальнейшему развитию учения о методах, методиках и технологиях криминалистики.

3. В теории криминалистической идентификации принято положение, согласно которому одним из видов указанной идентификации является установление целого по его частям.

«Разновидностью индивидуального отождествления является так называемое “установ-

ление целого по его частям (фрагментам)” или, говоря иначе, установление факта взаимопринадлежности частей единому целому. При решении этой задачи совмещают между собой фрагментированные части объекта (осколки, обломки, детали, клочки бумаги и т.п.) и исследуют взаимное отображение признаков внешнего строения частей на совмещающихся поверхностях разделения»⁸.

Состоятельность указанного положения вызывает у нас серьезные сомнения. Установление целого по его частям — важная, широко распространенная практическая задача, обычно разрешаемая в рамках судебно-экспертного исследования. Однако она, по нашему мнению, не является идентификационной, а относится к числу реконструкционных задач. Поэтому ее решение опирается на положения, разрабатываемые не в области теории и технологии криминалистической идентификации, а в области теории и технологии криминалистического реконструирования. Существенно и то, что в самом процессе получения реконструкционного знания не участвуют образцы для сравнительного анализа, заведомо полученные от проверяемого объекта, тождество которого устанавливается. Кроме того, что особенно важно, не участвует в названном процессе и сам этот объект. А ведь, согласно всем канонам теории криминалистической идентификации, отсутствие идентифицируемого объекта (на худой конец — его полноценного заместителя, например фотопортрета идентифицируемого человека) исключает саму возможность идентификации. Кроме того, процесс установления целого по частям опирается лишь на результаты исследования признаков объектов одного и того же порядка — частей какого-то не известного на момент начальной стадии изучения объекта. Исследуемые части относятся к категории следов-предметов, либо следов-документов, либо следов-веществ. По механизму их образования они подразделяются на следы отделения и следы разделения (расчленения). Другими материально фиксированными объектами, представленными для непосредственного восприятия, субъект установления целого по исследуемым частям не располагает.

Вряд ли нуждается в аргументации истинность аксиоматического положения о том, что одна часть не может быть тождественна другой (другим), как и не может находиться

в отношениях тождества с устанавливаемым целым. Исключается возможность тождества и в системе «совокупность частей–целое». Целое может быть тождественно (равно) только себе и ничему (никому) другому. (Так, все то, что содержится в капле морской воды, содержится и в море. Однако капля никогда не может находиться в отношениях тождества (высшей степени равенства) с морем. Хотя бы потому, что море содержит много такого, чего нет в капле, в том числе великое множество таких же, но не тех же самых капель.) Поэтому исследование частей предполагает выяснение их связей и соотношений друг с другом и отношения к какому-то целому. Решение таких задач выходит за пределы идентификации. Оно не дает знания о тождестве или отсутствии тождества. Получение этого знания позволяет сформулировать новую, принципиально иную задачу установления объекта, способствовавшего образованию частей как продуктов, следов его деструктивного воздействия на целое.

Следовательно, решить вопрос о принадлежности к какому-то целому указанных объектов-следов еще не значит установить, под воздействием какого объекта образовались исследуемые части, т.е. не значит идентифицировать слеодообразующие объекты. Да и сама эта задача не ставится в данном случае, поскольку речь идет не об орудии, средстве упомянутого воздействия, а лишь о связи элементов между собой и их отношении к определенному целому, существовавшему вплоть до того момента, когда начался процесс деструктивного воздействия на его материальную субстанцию.

4. По характеру отображений, используемых в качестве средств отождествления, криминалистическая идентификация подразделяется на два вида:

- идентификация по материально фиксированным отображениям;
- идентификация по мысленному образу (следам памяти).

Жизнь, следственный и судебно-экспертный опыт давно доказали обоснованность с логической и фактологической точек зрения научной и практической значимости такого деления. Обращает на себя внимание другое: явное расхождение уровней развития указанных направлений криминалистической идентификации. В структуре многолетних научных исследований место очевидного

фаворита (так уж сложилось) занимает судебно-экспертная идентификация по материально фиксированным отображениям. Этой теме посвящены многочисленные докторские и кандидатские диссертации, монографии, учебники и великое множество других работ, в которых рассматриваются самые разноплановые вопросы из области общей теории и отдельных видов и направлений криминалистической идентификации по следам трасологической, баллистической и иной природы. Такое изобилие литературы резко контрастирует с тем, чего удалось достичь в области тактического направления теории и практики криминалистической идентификации по мысленному образу. И в больших, и в малых работах, посвященных теории криминалистической идентификации, об идентификации по мысленному образу говорится лишь вскользь, в нескольких фразах, попутно с рассмотрением других вопросов. До сих пор не проведено ни одного сколько-нибудь серьезного комплексного анализа многочисленных проблем данной области научного знания. В результате этого изучение указанной литературы может привести и часто приводит неискушенного читателя к мысли об элементарности, простоте рассматриваемого процесса познания, что отнюдь не соответствует действительности. Положения не спасают и впечатления не изменяют и более или менее активные разработки, проводимые в следственной тактике, посвященные технологии осуществления одного из основных видов уголовно-процессуальной идентификации — идентификации по мысленному образу, реализуемой в форме такого следственного действия, как предъявление для опознания. Качество данных разработок по целому ряду позиций еще далеко от желаемого уровня. В немалой степени это обусловлено неразработанностью общих вопросов идентификации по мысленному образу, осуществляемой как в ходе уголовно-процессуальной деятельности субъектов уголовного преследования, так и за ее пределами, но в сфере, также имеющей прямое отношение к проблеме борьбы с преступностью.

По нашему глубокому убеждению, в значительной мере продиктованному тенденцией роста количества случаев ошибочного опознания, в современных условиях все более актуальной становится задача создания криминалистического учения об идентификации

по мысленному образу как системы теоретических знаний о данном процессе, который по целому ряду положений, принципов, подходов, методов существенно отличается от аналогичного процесса, в основе которого лежит изучение материально фиксированных следов. Выявление указанного своеобразия, специфики закономерностей идентификации по мысленному образу позволит со временем более целеустремленно и продуктивно осуществлять исследования прикладного характера на этом направлении криминалистической идентификации. С другой стороны, полученные результаты окажутся полезными для ликвидации «белых пятен», «черных дыр», уточнения, углубления, обогащения знаний в области общих положений теории криминалистической идентификации (общей теории), одной из важнейших составляющих которой является учение о криминалистической идентификации по мысленному образу. Необходимость в корректировке, уточнении общих положений теории криминалистической идентификации обусловлена рядом обстоятельств, в том числе тем, что целый ряд этих положений (процедур, принципов и т.д.) не носит универсального, всеобъемлющего (для своего уровня) характера. Имеются в виду положения, разработанные не на базе общих закономерностей соответствующих видов идентификационной деятельности, а лишь на основе результатов исследования идентификации по материально фиксированным отображениям. Такие положения могут применяться не во всех случаях, а только на данном направлении практического решения идентификационных задач, в основном при производстве судебных экспертиз.

5. К числу «болевых точек» отечественной теории криминалистической идентификации относится проблема так называемой групповой идентификации (по выражению М.В. Салтевского — группофикации⁹), все еще остающаяся, несмотря на многолетние обсуждения, остродискуссионной. Одни авторы полагают, что о криминалистической идентификации правомерно говорить лишь в контексте установления тождества единичных, единственных в своем роде объектов; другие склонны считать, что, наряду с индивидуальной, существует и групповая идентификация как процесс установления принадлежности исследуемого объекта к той или иной группе (множеству, классу, роду и т.д.).

Из того, что уже было сказано, нетрудно понять, что автор настоящей статьи является убежденным сторонником первой точки зрения. Ее выражают весьма емкие и точные суждения, высказанные почти 50 лет назад Г.М. Миньковским и Н.П. Яблоковым, которые, указывая на несостоятельность термина «групповая идентификация», подчеркивали, что «объект может быть тождественен только самому себе. В данном случае речь идет о принадлежности объекта определенной группе, то есть о его сходстве с некоторыми другими объектами. Поэтому надо говорить об “установлении групповой принадлежности (подобия сходства)”»¹⁰.

К сказанному следует лишь добавить, что в современном представлении то, что все еще некоторыми авторами определяется как групповая идентификация, на самом деле является криминалистическим распознаванием¹¹. Идентификация здесь ни при чем, ибо любой элемент, входящий в какую-либо группу сходных элементов, не может быть тождественен никаким другим элементам, а тем более их совокупности. Несостоятельность концепции групповой идентификации особенно ярко проявляется на примере анализа результатов идентификационного процесса по мысленному образу (опознания, узнавания). Если этот процесс своим итогом имеет установление того, что проверяемый предмет (или человек), предъявленный для опознания, такой же, похожий на тот, который ранее был воспринят субъектом идентификации, то это совсем не означает, что проверяемый является тем самым объектом, тождество которого устанавливается. И вряд ли кто решится назвать подобный итог какой-либо идентификацией, поскольку понятия «похожий», «такой же», как мы отмечали ранее, далеко не синонимичны понятию «тот самый».

6. Криминалистическую идентификацию от других видов идентификации отличают не только иное назначение и иная сфера применения, но и другие признаки. Речь идет о целостной совокупности определенных признаков, а не об отдельно взятых признаках, часть из которых может быть характерна и для различных видов идентификации некриминалистической. Данную совокупность образуют следующие признаки:

– объекты идентификации криминалистической — это индивидуально определенные материальные субстанции, обладающие устойчивым внешним строением;

– криминалистическая идентификация осуществляется по соответствующим отображениям устойчивых свойств идентифицируемых объектов;

– сфера применения криминалистической идентификации не ограничивается судебно-экспертными исследованиями, в роли субъектов идентификации могут выступать следователи, другие субъекты доказывания и участники уголовного процесса¹²;

– решение идентификационных задач осуществляется не только в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам, но и в стадии возбуждения уголовного дела.

Думается, что все приведенные положения и должны учитываться при разработке общих и частных определений криминалистической идентификации. Пока же этого не произошло. Среди существующих определений рассматриваемого феномена как метода и процесса познания критериям лаконизма и конкретности наиболее полно соответствует формулировка Н.А. Селиванова. По его мнению, идентификация как метод познания представляет собой систему принципов и приемов, определяющих научный подход к исследованиям, направленным на установление наличия или отсутствия тождества объекта в уголовном судопроизводстве. Что касается идентификации как процесса познания, то она, по мнению Н.А. Селиванова, может быть охарактеризована как система «реальных, выполняемых в определенной последовательности действий по установлению наличия или отсутствия тождества»¹³.

Приведенная формулировка метода идентификации отражает современные представления относительно содержания метода как типовой информационной модели, включающей в себя систему принципов и правил, которых надлежит придерживаться при решении какой-либо научной или практической задачи. Определение же процесса идентификации нуждается в уточнении, поскольку, фактически, оно характеризует не процесс, а способ идентификации. Дело в том, что метод как категория идеального, индивидуального порядка «всегда находит воплощение в объективной реальности через какие-то рациональные способы или приемы»¹⁴. Отсюда следует, что понятие процесса шире по своему объему понятия способа решения задачи. Последнее понятие является одной из

составляющих, хотя и важнейшей, первого. С этой точки зрения близки к истине, на наш взгляд, определения, авторы которых исходят из понимания криминалистической идентификации как процесса установления тождества исследуемого в уголовном производстве объекта на основе сравнительного анализа признаков идентифицируемого и идентифицирующих объектов¹⁵. Однако определения данного типа содержат общий недостаток, на который мы уже указывали: они не дают ответа на вопрос о групповой принадлежности идентифицируемых объектов.

В свете сказанного считаем возможным предложить следующие варианты определения криминалистической идентификации как метода и процесса целенаправленного решения соответствующих задач в сфере уголовно-процессуальной деятельности:

Криминалистическая идентификация как метод познания представляет собой продукт научного творчества, содержащий систему знаний (понятий, принципов, процедур, приемов) о том, каким образом в уголовном судопроизводстве должна решаться та или иная задача, связанная с установлением тождества индивидуально определенного следообразующего объекта.

Криминалистическая идентификация как процесс познания представляет собой заранее подготовленную, реализуемую в уголовном судопроизводстве деятельность субъекта установления тождества индивидуально определенного следообразующего объекта, базирующуюся на положениях научной модели метода криминалистической идентификации.

7. Слабым звеном в теории криминалистической идентификации по-прежнему остается проблема системной характеристики данной теории. Подавляющее большинство исследователей молчаливо обходят эту проблему стороной. Она затрагивается лишь в работах отдельных авторов, но не в качестве предмета специального исследования, а как незначительная составная часть общего комплекса изучаемых вопросов.

Так, в работах Б.И. Шевченко обращается внимание на то, что, наряду с общей теорией криминалистической идентификации, существует такая ее менее общая подсистема, как теория идентификации в криминалистической трасологии¹⁶. Сходная мысль нашла отражение и в работах В.Ф. Орловой, обосновавшей положение о существовании общей теории

криминалистической идентификации и теории идентификации в почерковедении (теории графической идентификации)¹⁷. Вслед за ними Р.С. Белкин пришел к выводу о наличии в структуре теории криминалистической идентификации двух подсистем: общей теории и частных, по его выражению отраслевых, теорий криминалистической идентификации. Обосновывая свою позицию, он совершенно правильно указал на то, что частные криминалистические теории (частные по отношению к общей теории криминалистики) могут быть дифференцированы на «более общие» и «менее общие» в зависимости от характера и круга охватываемых ими явлений и процессов, от объема предметной области каждой. Общая теория криминалистической идентификации в этом контексте обладает большей степенью обобщения, нежели, например, теория трасологической идентификации. В то же время последняя является более общей по сравнению с такими подсистемами данной области, как теория механоскопической идентификации и теория гомеоскопической идентификации¹⁸.

Анализ предложенной Р.С. Белкиным конструкции («общая теория криминалистической идентификации — частно-отраслевые теории криминалистической идентификации») показывает, что она не обладает признаком целостности. Это подтверждается отсутствием в ней такого важного промежуточного звена, как учение о криминалистической идентификации по материально фиксированным отображениям и учение о криминалистической идентификации по мысленному образу.

Имеются все основания полагать, что теория криминалистической идентификации, будучи целостным системным образованием, складывается из трех частей:

– общая теория криминалистической идентификации¹⁹ (уровень общего);

– учение о криминалистической идентификации по материально фиксированным отображениям и учение о криминалистической идентификации по мысленному образу (уровень особенного);

– отраслевые теории криминалистической идентификации (учение об идентификации в криминалистической трасологии, учение об идентификации в криминалистическом речеведении, учение об идентификации в криминалистическом орудиеведении и т.д.) со всеми их менее общими составляющими (уровень отдельного).

Данная модель может быть использована в качестве ориентира для определения основных направлений дальнейших исследований в области теории и технологии осуществления криминалистической идентификации и для систематизации имеющегося и вновь обретенного знания.

Судя по всему, есть смысл проводить упомянутые исследования по трем направлениям:

– проблемы, имеющие отношение к дальнейшему развитию общей теории криминалистической идентификации;

– проблемы, связанные с необходимостью уточнения, расширения и углубления знаний в области криминалистической идентификации по материально фиксированным отображениям и по мысленному образу;

– проблемы развития отдельных видов отраслевой криминалистической идентификации.

Общая цель данных исследований на современном этапе — выявление и устранение противоречий, «белых пятен», «черных дыр» и «болевых точек», имеющих в этой области научного знания.

Примечания

¹ Потапов С.М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 15.

² Комаринец Б.М. Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1946.

³ Ищенко Е.П. Актуальные проблемы и направления развития криминалистики // Актуальные вопросы криминалистики и уголовно-процессуального права. Киров, 2004. С. 9–10.

⁴ Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 29.

⁵ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. М., 2001. С. 430.

⁶ Образцов В.А. Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы // Проблемы криминалистического распознавания: материалы науч.-практ. конф. Иркутск; Москва, 1999. С. 15–16; Он же. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М., 2004. С. 119–120.

⁷ Домбровский Р.Г. Теоретические основы криминалистики. Рига, 2004. С. 103.

⁸ Криминалистика: учеб. для вузов / под. ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 88.

⁹ Салтевский М.В. Объекты идентификации и установление групповой принадлежности // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1965. Вып. 2.

¹⁰ Миньковский Г.М., Яблоков Н.П. [Рецензия] // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 83. Рец. на кн.: Криминалистика: учеб. М., 1950. Т. 1.

¹¹ Подробнее об этом см.: Образцов В.А. Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы.

¹² Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 267.

¹³ Селиванов Н.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Кузьмин С.В. Криминалистическое распознавание: метод или этап процесса познания // Проблемы криминалистического распознавания. С. 47.

¹⁵ См., напр.: Колдин В.Я. Теоретические основы и практика применения идентификации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970; Криминалистика социалистических стран. М., 1986; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.

¹⁶ Шевченко Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975. С. 8.

¹⁷ Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. М., 1973. С. 123.

¹⁸ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 6, 7, 44.

¹⁹ Н.А. Селиванов определяет криминалистическую теорию как систему понятий, принципов, концепций, знаний о закономерных связях, «касающихся проблем как общих для всей науки криминалистики, так и относящихся к отдельным ее частям. Первые представляют общие криминалистические теории (учения), вторые — частные» (Селиванов Н.А. Указ. соч. С. 12). По мнению данного автора, теория криминалистической идентификации относится к числу общих криминалистических теорий.